
СОЦИОЛОГИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

УДК 316.4

DOI: 10.31249/rsoc/2024.04.08

ЯДОВА М.А.* РЕЦЕНЗИЯ НА КН.: ТРАВИН Д.Я. КАК МЫ ЖИЛИ В СССР. – Москва: НЛЮ, 2024. – 236 с.

Аннотация. В книге Д.Я. Травина рассматривается повседневная жизнь советских граждан. Автор книги опирается на большой массив фактологических материалов, свидетельствующих о прошедшей эпохе: письма, дневники, мемуары, данные экономической статистики и научные работы. Особое внимание уделяется феномену ностальгии по советскому прошлому.

Ключевые слова: повседневность; СССР; советские люди; ностальгия.

Для цитирования: Ядова М.А. [Рецензия] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. – 2024. – № 4. – С. 125–131. – Рец. на кн.: Травин Д.Я. Как мы жили в СССР. – Москва: НЛЮ, 2024. – 236 с. – DOI: 10.31249/rsoc/2024.04.08

Рецензия поступила: 15.10.2024.

Принята к публикации: 30.10.2024.

YADOVA M.A.** Book review: Travin D.Ya. How we lived in the USSR. – Moscow: NLO, 2024. – 236 p.

Abstract. The book by D.Ya. Travin describes the everyday life of Soviet citizens. Dmitry Travin has collected a large amount of factual material testifying to a bygone era: from letters, diaries, memoirs and

* Ядова Майя Андреевна – кандидат социологических наук, заведующая отделом социологии и социальной психологии Института научной информации по общественным наукам РАН; m.yadova@mail.ru

** Yadova Maiya Andreevna – Candidate of Sociological Sciences, Head of the Department of Sociology and Social Psychology, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; m.yadova@mail.ru

anecdotes to economic statistics and scientific papers. Particular attention is paid to the phenomenon of nostalgia for the Soviet past.

Keywords: everyday life; USSR; Soviet people; nostalgia.

For citation: Yadova M.A. [Book review]. Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11: Sociologiya [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11: Sociology]. – 2024. – N 4. – P. 125–131. – Book review: Travin D.Ya. How we lived in the USSR. – Moscow: NLO, 2024. – 236 p. DOI: 10.31249/rsoc/2024.04.08

Received: 15.10.2024.

Accepted: 30.10.2024.

Дискуссии о том, как люди жили в СССР, не утихают, а в связи с изменившейся геополитической обстановкой в последние годы даже усилились. Как справедливо замечает известный российский экономист и социолог, кандидат экономических наук Дмитрий Яковлевич Травин, «споры между теми, кто ностальгирует по советской действительности, и убежденными сторонниками реформ редко принимают аргументированный оборот» [Травин, 2024, с. 7]. В своей новой книге «Как мы жили в СССР» он предпринимает попытку это исправить. Автор по крупицам собирает и анализирует большой массив материалов, свидетельствующих об ушедшей эпохе – от писем, дневников, мемуаров и анекдотов до экономической статистики и научных работ. В центре его внимания – повседневная жизнь эпохи позднего СССР. Д.Я. Травин исследует, как «советский простой человек» (в терминологии Ю.А. Левады [Советский простой человек ..., 1993]) работал, учился, отдыхал и взаимодействовал с окружающей действительностью, как относился к официальной идеологии, о чем мечтал и ради чего жил. Автор доходчиво и с большой долей остроумия пытается найти причины ностальгии или ненависти к советскому прошлому (а у некоторых удивительным образом эти чувства совмещаются), понять, что в жизни «при СССР» определялось социальным строем, а что существовало независимо от него, от какой части советского «наследства» следует навсегда отказаться, а какую – взять с собой в будущее.

По меткому замечанию Д.Я. Травина, сегодня в постсоветском обществе популярны две схемы «истории для ленивых» – «для ленивых оптимистов и для ленивых пессимистов» [Травин, 2024, с. 226]. Для оптимистов существует официоз, утверждаю-

ций, что в советское время практически все, за исключением некоторых деталей, было хорошо, и «лишь плохие люди, разрушавшие эту хорошую систему ради революций, перестроек и реформ, портили жизнь» [Травин, 2024, с. 226]. Для пессимистов же существует оппозиционная схема, согласно которой «советский простой человек», хотя и в новом поколенческом изводе, «постоянно воспроизводит плохую советскую систему, несмотря на революции, перестройки и реформы», а значит, россиянам никогда не выбраться из заколдованного «порочного круга» [там же]. Рецензируемая работа опровергает этот подход, предлагая читателям увидеть, что на самом деле все гораздо сложнее.

Данная книга состоит из четырех глав, описывающих советскую действительность, и четырех разделов, посвященных размышлениям автора о наиболее ярких работах советского кинематографа, в которых воплотились идеи «шестидесятников». Первая глава, иронично названная словами частушки времен дефицита «Дядя Ленин, открой глазки, нет ни мяса, ни колбаски», посвящена особенностям быта советского человека (точнее, автор предлагает начать «с еды, одежды, транспорта и жилья») [там же, с. 16]. Во второй главе «Неэкономная экономика» обсуждаются нюансы функционирования сфер производства и распределения в СССР. В третьей главе «Гомосос: среда обитания» описывается то, что принято называть духовной сферой советского общества, и то, что представляет собой своеобразное сочетание «культуры, идеологии и образования» [там же, с. 144]. Наконец, четвертая глава «Адаптация Гомососа» знакомит читателей с адаптационными стратегиями и способами «сохранения себя как личности» [там же, с. 184], которые выбирал Homo Sovieticus во взаимодействиях с окружающей, иногда весьма удручающей, реальностью.

В работе Д.Я. Травина советский человек, особенно живущий в эпоху позднего СССР, предстает очень разным и очень сложным. Советских людей не радовали товарный дефицит и идеологическая обработка, но они хорошо научились к этим явлениям приспосабливаться. Подробно, опираясь на множество источников, автор рассказывает, на какие ухищрения шел советский человек в борьбе с дефицитом: кто-то ездил за дефицитными товарами в столицу и большие города, другие заводили выгодные знакомства с директорами мясных магазинов, третьи старались попасть в привилегированную группу людей «с возможностями». Например, подобные возможности были у обладателей иностранной валюты (моряков заграничниками, дипломатов, получателей

зарубежных гонораров и пр.). Они нередко привозили зарубежные дефицитные товары и перепродавали их советским гражданам (это можно было сделать и легально – через комиссионные магазины) по высоким ценам или меняли валюту на специальные государственные сертификаты (чеки Внешпосылторга), по которым приобретали то, что простому советскому человеку было недоступно (от кооперативных квартир и автомобилей до бытовой техники, одежды, продуктов питания и пр.), в магазинах типа «Березка» [Травин, 2024, с. 26].

Как справедливо замечает автор книги, прежде советские люди не демонстрируют ностальгии по очередям, пустым прилавкам и продуктовым талонам, но ностальгируют по условным вкусному пломбиру, всеобщему равенству или объединяющей единомышленников вере в «успех нашего безнадежного дела». Надо сказать, что постмодернистскому обществу свойственны сильные ностальгические тренды. Британский социолог З. Бауман предложил термин «ретротопия» для обозначения глобальной эпидемии ностальгии и тоски по прошлому. Феномен ретропии напрямую связан со множеством негативных социальных факторов, характерных для современного общества риска и поставивших человечество перед почти неразрешимым выбором между свободой и безопасностью [Bauman, 2017]. Отметим, что социальная ностальгия имеет особые отношения не только с прошлым, но и с настоящим, являясь следствием «глубочайшей растерянности общества перед настоящим» [Зборовский, Широкова, 2001, с. 34]. Получившая распространение во многих странах бывшего социалистического лагеря постсоциалистическая (посткоммунистическая) ностальгия легко вписывается в эту тенденцию. Например, социальные исследователи выделяют остальгию (ностальгию по временам ГДР), югоностальгию (ностальгию по социалистической Югославии), ностальгию по СССР и пр. [Bartmanski, 2011; Berdahl, 1999; Boyer, 2006].

Д.Я. Травин показывает, что советский человек не стремился надрываться на производстве не от природной лени, а потому что административная экономика не стимулировала к этому. В то же время в некоторых условиях советские люди могли быть чрезвычайно активными и продуктивными, нередко им приходилось для достижения поставленных целей (получение или покупка квартиры, автомобиля, дачи, поездка за границу и пр.) преодолевать целый квест. Например, в книге описывается история отца российского политолога В.Я. Гельмана, который в 1970-е, бросив работу

в НИИ, пошел на стройку прорабом специально для того, чтобы быстрее расплатиться с долгами, взятыми под приобретение кооперативной квартиры [Травин, 2024, с. 63]. Появление должных экономических стимулов после распада СССР продемонстрировало, каким эффективным работником может быть советский человек. В 1990-е годы одни россияне сумели воспользоваться возможностями свободных рыночных отношений (не всегда честным путем), другие повели себя пассивно, не восприняв новые «правила игры». В сегодняшней России со сменой поколений экономически активная часть населения становится более заметной, хотя «по мере того, как некоторые важные элементы административной системы к нам возвращаются, стимулы исчезают, и нарастает апатия» [там же, с. 227].

В позднем СССР восприятие людьми коммунистической идеологии было большей частью ритуализированным, к тому времени уже мало кто верил в наступление коммунизма и тому подобные цели, декларируемые вождями КПСС. Отечественный социолог Ю.А. Левада, под руководством которого проводились исследования «советского простого человека», выделял следующие негативные черты этого типа личности: двоемыслие и лукавство, отсутствие интереса к качеству своего труда, безынициативность, уклонение от личной ответственности, низкие амбиции, стремление «не высовываться», внешнее подчинение любым, даже безнравственным, действиям властей, приспособленчество [Советский простой человек ..., 1993]. Однако, по словам автора книги, советский человек «был бесправен, но находил возможность с иронией взглянуть на систему, которая делала его таковым» [Травин, 2024, с. 184]. Он всегда был готов посмеяться и над осложняющим его жизнь «круговоротом дефицита», и над властью с ее единственно правильной «линией партии», и над официально декларируемой дружбой народов СССР (вспомним «национальные» анекдоты). В таких условиях слово, намеки, «эзопов язык» становились инструментами «большой игры» народа с властью [там же]. Так, именно желанием зрителей сыграть в эту «игру» автор объясняет популярность театра в 1970–1980-е годы. По его словам, во времена жесткой цензуры театр брал на себя дополнительные функции, и зритель хотел услышать со сцены хотя бы намек на критику режима. Настоящими мастерами аллюзий в те времена стали артисты «Таганки», «Современника», «Ленкома» и БДТ. Д.Я. Травин приводит такой пример: после Пражской весны особую популярность у ленинградского зрителя приобрел спектакль

«Цена» по пьесе Артура Миллера в БДТ; это бы связано не столько с самой пьесой, сколько с тем, что драматург осудил ввод войск в Чехословакию [Травин, 2024, с. 185].

Отдельного внимания заслуживают разделы книги, посвященные советскому кинематографу 1960–1980-х годов. Заметки о наиболее ярких фильмах того времени, во многом пропитанных духом «шестидесятничества», дают возможность оценить, что повлияло на формирование «семидесятников», вступивших в сознательную жизнь после хрущевской оттепели и до перестройки, т.е. представителей того поколения, к которому принадлежит сам автор книги. А для молодого читателя, вероятно, в силу возраста плохо знакомого с позднесоветскими фильмами, киноразымышления Д.Я. Травина могут стать путеводителем в мире советского кино. Лично я благодаря этим размышлениям открыла для себя или захотела пересмотреть ряд замечательных фильмов.

По мнению Д.Я. Травина, советский человек в начале 1990-х не бросился на защиту коммунистического режима, но точно так же он оказался не готов сделать хоть что-нибудь для отстаивания демократии, поскольку «игры политиков» не воспринимались им как «нечто разрушающее личный благополучный мирок с товарами и развлечениями» [там же, с. 227]. Советский человек, с сожалением резюмирует автор, стремился не столько к свободе и демократии, сколько к товарному изобилию, а демократию взял в «наборе», как брал в свое время в продуктовом наборе вождеденные дефицитные товары вместе с невкусными и нежеланными [там же]; именно поэтому россияне не оценили по достоинству ценности свободы. Впрочем, судя по результатам актуальных массовых опросов, для немалого числа россиян, прежде всего сформировавшихся уже после распада СССР, преимущества демократического общества представляются очевидными.

Не вызывает сомнений, что новая книга Д.Я. Травина «Как мы жили в СССР» будет важна не только социальным исследователям, но и всем, кому интересно советское прошлое и феномен постсоциалистической ностальгии. На наш взгляд, особенно полезна эта работа будет молодым читателям, почти или совсем не заставшим советской жизни и знающим это время лишь по рассказам старших. Думается, что, изучая недавнее прошлое своей страны, мы узнаем и что-то новое об обществе, в котором живем сейчас – книга Д.Я. Травина позволяет иначе взглянуть на современную Россию, в том числе на усиление в нашем социуме тенденций к архаизации.

Список литературы

Зборовский Г.Е., Широкова Е.А. Социальная ностальгия: к исследованию феномена // Социологические исследования. – 2001. – № 8. – С. 31–34.

Советский простой человек: опыт социального портрета на рубеже 90-х гг. / под ред. Ю.А. Левады. – Москва: Мировой океан, 1993. – 304 p.

Травин Д.Я. Как мы жили в СССР. – Москва: НЛО, 2024. – 236 с.

Bartmanski D. Successful icons of failed time: rethinking post-Communist nostalgia // *Acta Sociologica*. – 2011. – Vol. 54, N 3. – P. 213–231.

Bauman Z. *Retrotopia*. – Cambridge: Polity Press, 2017. – 180 p.

Berdahl D. «(N)Ostalgia» for the present: memory, longing, and East German things // *Ethno*. – 1999. – Vol. 64, N 2. – P. 192–211.

Boyer D. Ostalgie and the politics of the future in Eastern Germany // *Public culture*. – 2006. – Vol. 18, N 2. – P. 361–381.

References

Bartmanski D. Successful icons of failed time: rethinking post-Communist nostalgia. *Acta sociologica*. – 2011. – Vol. 54, N 3. – P. 213–231.

Bauman Z. *Retrotopia*. – Cambridge: Polity Press, 2017. – 180 p.

Berdahl D. «(N)Ostalgia» for the present: memory, longing, and East German things. *Ethno*. – 1999. – Vol. 64, N 2. – P. 192–211.

Boyer D. Ostalgie and the politics of the future in Eastern Germany. *Public culture*. – 2006. – Vol. 18, N 2. – P. 361–381.

Sovetskij prostoj chelovek: opyt socialnogo portreta na rubezhe 90-kh gg. [Soviet ordinary man: experience of social portrait at the turn of the 90 s]. Ed. by. Yu.A. Levada. – Moscow: Mirovoj okean, 1993. – 304 p. (In Russian)

Travin D.Ya. *Kak my zhili v SSSR* [How we lived in the USSR]. – Moscow: NLO, 2024. – 236 p. (In Russian)

Zborovskij G.E., Shirokova E.A. Social nostalgia: to study the phenomenon. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological research]. – 2001. – N 8. – P. 31–34. (In Russian)